

Читайте также в серии

«Убийства и кексики»

Питер Боланд

«Опасная игра бабули»

Кристен Перрин

ПИТЕР БОЛАНД

Убийства в пляжных домиках

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Б79

Peter Boland

THE BEACH HUT MURDERS

© PETER BOLAND, 2023

This edition published by arrangement with
Lorella Belli Literary Agency Ltd. and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Анастасии Осминой*

Боланд, Питер.

Б79 Убийства в пляжных домиках. Детективное агентство «Благотворительный магазин» / Питер Боланд ; [перевод с английского А. Осминой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 448 с. — (Ток. Убийства и кексики. Душевные истории про убийства).

ISBN 978-5-04-204929-3

Фиона, Сью и Дэйзи – три очаровательные старушки, которые днем работают волонтерами в благотворительном магазинчике, а ночью распутывают преступления. В прибрежный Саутборн пришло лето, и, значит, пожилые леди готовы к новому сезону солнца, моря и... убийств.

Летом весь Саутборн устремляется на побережье Мадфорд-Спит с его изумительными пейзажами и разноцветными пляжными домиками. Один из таких домиков, украшенный причудливыми ракушками, всегда выделялся среди прочих. Пока однажды ночью не сгорел при самых таинственных обстоятельствах. А с ним и ничего не подозревающий старичок Малкольм Крейни, спавший внутри.

Ассоциация местных жителей нанимает наших очаровательных сыщиков расследовать это дело. Им быстро удастся составить длинный список подозреваемых – эксцентричный старик многим успел насолить. Что удивительно, ночной поджигатель ухитрился избежать всех камер наблюдения и не попасть ни на одну видеозапись. Но самое главное – это способ поджога. Способ абсолютно немислимый и не поддающийся никакому логическому объяснению...

**УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44**

© Осмина А., перевод на русский язык,
2024

© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-204929-3 ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ПРОЛОГ

Энни почувствовала запах дыма. Во влажном ночном воздухе его резкие нотки было ни с чем не спутать и ощущались они особенно остро.

Стоило только открыть дверь и сонно выйти наружу, как до нее долетело дуновение, лишь намек, но и этого было довольно, чтобы включился один из сильнейших первобытных инстинктов: выживания. За бесконечное множество поколений этот инстинкт стал неотъемлемой частью ДНК, и игнорировать его сигналы было никак нельзя. Дым означал опасность. Дым означал огонь. А огонь означал смерть.

Крылатый раздражитель отвлек Энни от непроизвольных размышлений. Комар. Кроме мягкого плеска воды высокий писк невидимого в темноте насекомого оставался единственным звуком. Энни неуключе замахала руками, надеясь прогнать его. Писк стих. Довольная, что избавилась от надоеды, Энни медленно побрела по пляжу босиком, по-прежнему во власти дремоты и все еще приносясь к запаху дыма в воздухе.

Только ей не спалось в эту несусветную рань, и она не обратила внимания на подсознательный порыв броситься бежать или позвать на помощь. Там, где сейчас находилась Энни, дым был вполне нор-

мальным явлением, стоило об этом помнить. Ничего нового — так пахло постоянно.

Она шла по прибрежной косе Мадфорд-Спит, где располагались самые престижные, дорогие и, вероятно, самые большие пляжные домики, которые только можно найти. Каждый день ближе к вечеру, когда отдыхающие, навьюченные словно лошади, нехотя отправлялись в обратный путь домой, владельцы пляжных домов откупоривали бутылки и разжигали костры (или барбекю) по всей длине косы. Эти миниатюрные копии средневековых маяков могли тлеть еще долго после того, как все уже задернули шторы и приготовились ко сну. Внутри игрушечные домики для взрослых были укомплектованы всеми необходимыми современными удобствами: крошечные холодильники и плиты были втиснуты куда только возможно. Но, что важнее всего, на втором этаже, под низкой сводчатой крышей находилась спальня — основное отличие пляжных домов Мадфорд-Спит от хижин размером с садовый сарай, построенных на всех остальных британских побережьях.

Именно по этой причине Энни легко укладывала детей спать: крутые ступеньки, как у приставной лестницы, вели наверх, и они словно жили в домике на дереве. Каждый вечер детей ждало приключение, и Сэм с Милли, уставшие и набегавшиеся на свежем воздухе, не могли дождаться, когда придется подниматься в спальню. Энни приходилось довольствоваться диваном внизу. Но она и не возражала: на нем было вполне удобно, и мысль о том, что в нескольких шагах от двери плещется море, стоила всех неудобств. О лучшем месте для семейного отдыха, чем Мадфорд-Спит, родители и не мечтали. Здесь дети могли быть детьми, пускаясь в приключения и общаясь со сверстниками, пока они все вместе

носились по берегу своей дружной ватагой. Вот чего хотел каждый родитель, ведь так? Продлить это беззаботное время. Растянуть те дни, когда дети сами придумывали себе игры и развлечения, пока искусственный мир соцсетей не запустил в них свои когти.

Энни осторожно брела по берегу холодного пляжа, дрожа в своих стареньких спортивных штанах и футболке и размышляя, что единственный недостаток этого райского местечка — тот, с которым ей пришлось столкнуться прямо сейчас. В пляжных домиках не было туалета.

Тем вечером она выпила пару весьма больших и столь же заслуженных бокалов холодного шардоне, отдыхая на террасе и искренне радуясь, что Сэм с Милли играют и веселятся до самого заката. На сердце становилось тепло, когда она видела, как дети резвятся в теплой воде бухты Крайстчерча¹, в последних лучах заходящего солнца, красно-оранжевыми бликами играющего на витражных окнах монастыря. Лучше и быть не могло — до тех пор, пока эти два бокала не запросились наружу. Полный мочевого пузырь заставил Энни нехотя выбраться из постели и, оставив спящих детей наверху, быстро направиться к общим туалетным кабинкам.

Хотя на дворе стоял июль, Энни шла, крепко обхватив себя руками. По обе стороны от нее в море и бухте плескалась вода, а на самой косе временами дул очень промозглый и холодный ветер, особенно в три тридцать утра. Энни упорно шла мимо стройных рядов пляжных домиков. Днем их яркие краски напоминали ей красиво разложенные сладости, а сейчас, в темноте, под беззвездным, скрытым ту-

¹ Крайстчерч — город в графстве Дорсет на юго-западе Англии. Расположен на побережье Ла-Манша. (Прим. ред.)

чами небом, они казались серыми. Сейчас их остроконечные крыши больше всего напоминали щербатую челюсть.

Впереди уже виднелся одинокий фонарик, сигнализируя, что спасение близко. Принюхавшись, Энни заметила, что запах дыма вроде бы стал отчетливее и уже казался скорее резким, чем приятным.

По мере приближения к кабинам сдерживать зов природы было практически невозможно. Энни перешла на трусцу, но ее затруднительному положению это не помогло, скорее наоборот. Наконец она добежала до кабинок. Автоматическая энергосберегающая лампочка с датчиком движения тут же включилась, на миг ослепив ее. Энни бросилась к ближайшей кабине и, хлопнув дверью, заперла ее за собой.

Через несколько минут она вышла, чувствуя себя уже гораздо лучше. Энни предвкушала, как заберется обратно в теплую постель и уютно устроится под покрывалом, закроет глаза и откроет их, только когда солнце начнет светить в окно — или когда дети потребуют завтрак. В общем, кто первый успеет.

Она моргнула, уловив что-то краем глаза. В темноте ночи оранжевую и яркую, точно светлячок, искру, которая мелькнула над головой, не заметить было трудно. За ней последовала другая. И еще несколько, подхваченных ветром. К запаху дыма, уже более едкому, прибавилось потрескивание и отблески. Завернув за угол, Энни ахнула.

С другой стороны туалетных кабинок, дальше по косе, полыхал один из пляжных домиков.

Энни поспешила к танцующим языкам пламени, жар нарастал, как и паника внутри ее.

Внутри кто-то был.

ГЛАВА 1

ТРИ НЕДЕЛИ СПУСТЯ

Фиона наблюдала за машиной у благотворительного магазинчика. Автомобиль стоял там со времени открытия, ровно с девяти утра. Часы показывали уже двадцать пять минут десятого, а сидящая внутри женщина так и не пошевелилась. Просто сидела и совершенно неподвижно смотрела в лобовое стекло. Рядом с ней на пассажирском сиденье Фиона заметила картонную коробку, а сзади, удобно пристегнутый в детском кресле, спал ребенок лет трех или четырех на вид, запрокинув головку набок.

Вероятно, женщина приехала сделать пожертвование; Фиона была почти уверена, что знает, почему та не выходит из машины и не отдает коробку. Как бывалый волонтер в благотворительном магазине «Собачкам нужен уютный дом», Фиона научилась различать типы покупателей, заходивших в благотворительные магазины и прогуливавшихся по Саут-борн-Гроув. У всех типажей были свои названия. К примеру, типаж «Я просто смотрю» — они понятия не имели, что ищут, лишь бы по выгодной цене. И обычно покупали то, что им и не нужно, но ведь за такую смешную сумму стыдно не взять. Следующий типаж — «Перепродам дороже», эти хотели закупиться товарами со значительной скидкой, а потом пе-

репродать в интернете подороже, получив при этом прибыль. «Охотники за сокровищами» были похожи на предыдущих, но они гнались за качеством, а не за количеством, надеясь вот-вот наткнуться на какую-нибудь редкость невероятной ценности, которую каким-то образом просмотрели остальные. Собранные, решительные, они ныряли в коробки, рылись на стеллажах и полках в поисках спрятанных сокровищ. Вдруг там ждало первое издание «Властелина колец» или старинный игрушечный автомобильчик, каким-то чудом сохранившийся в коробке. В наши дни такое маловероятно. Благодаря интернету люди знали точно, что и сколько стоит, — достаточно быстро поискать в браузере. Самое ценное, что удавалось найти Фионе, были сложенные банкноты в пять или десять фунтов, забытые в кармане брюк, и они отправлялись сразу в кассу.

Но женщина в машине была не похожа на все вышеперечисленные типы. Она приехала отдать, а не купить, и если интуиция Фионы не ошибалась, то новая посетительница принадлежала к очень узкому кругу «скорбящих дарителей». К ним следовало относиться бережно и по-доброму, с большой чуткостью и уважением. У этой женщины, скорее всего, имелась очень веская и личная причина, из-за которой она никак не могла расстаться с содержимым коробки, стоявшей на сиденье рядом с ней.

Дверца машины открылась. Из нее медленно вышла дама в темно-сером, развевающимся на ветру пальто и плотно надвинутой на уши шерстяной шапке. Хотя лето было в самом разгаре — все-таки начало августа, — у погоды имелись свои соображения на этот счет. Только все привыкли к частому солнцу и к жаре, как неожиданное и несезонное похолода-

ние вытеснило лето. Северный ветер с Арктики обоживался над Соединенным Королевством и понизил температуру настолько, что она едва достигала десяти градусов, так что всем пришлось доставать из шкафов зимнюю одежду.

Пока женщина обходила машину, Фиона разглядела ее получше. На вид неожиданной гостье оказалось около тридцати или чуть больше, на лице отсутствовала косметика, и выглядела она так, будто никогда не будет счастлива. Огромные очки в оправе придавали ее лицу свиное выражение, хотя и очень грустное. Женщина остановилась у пассажирской двери, опустив голову. Фиона гадала, не выйти ли ей помочь, но все же решила остаться в магазине.

На улице у машины женщина покачала головой, будто спорила сама с собой, затем открыла дверцу и достала коробку. Несколько секунд она стояла на тротуаре спиной к Фионе, по-прежнему колеблясь и сжимая коробку так, словно от нее зависела ее жизнь. Наконец медленно она повернулась и направилась к магазину, по-прежнему не отрывая взгляда от асфальта. Прежде чем войти, посетительница обернулась, убедиться, что с ребенком все в порядке, а затем толкнула дверь, держа коробку перед собой.

Фионе безумно хотелось помочь ей, придержать дверь, но опыт подсказывал не суетиться. Поэтому, когда колокольчик над дверью звякнул и женщина неловко шагнула в магазин, Фиона просто подняла голову от прилавка, улыбнулась и произнесла:

— Доброе утро.

Гостья замешкалась на пороге.

— Там все еще холодно? — Очевидно, да, судя по ледяному ветру, ворвавшемуся в магазин и холодив-

шему ноги Фионы в одних чулках. Она потуже запахнула свой традиционный кардиган крупной вязки.

— Что, простите? — переспросила женщина, чьи мысли явно витали далеко отсюда. — А, да. Очень холодно. — Она смущенно прикусила губу, не смея сделать еще один шаг.

Медленно, стараясь не напугать ее, Фиона вышла из-за прилавка.

— Вы хотели бы оставить вещи?

Женщина нерешительно прошла в глубь магазина, и дверь за ней закрылась.

— Мне бы хотелось кое-что отдать на благотворительность.

Фиона встретила ее на полпути.

— Да, конечно. Спасибо вам большое. — Она протянула руки, готовясь принять коробку. Только женщина не ответила на этот жест, будто не желая расставаться со своей ношей. Так они и замерли на несколько секунд в неловкой тишине, но потом посетительница медленно передала вещи Фионе.

Фиона почтительно поставила на прилавок коробку, плотно перемотанную коричневым скотчем, более тщательно, чем требовалось, будто из опаски, что содержимое куда-то сбежит.

Фиона вновь повернулась к посетительнице. Даже это простое взаимодействие, судя по всему, травмировало ее: женщина выглядела так, словно вот-вот расплчется, и бросала встревоженные взгляды на машину со спящим ребенком.

— Вы в порядке? — спросила Фиона. — Могу я чем-то помочь?

— Да-да, я в порядке. — Голос женщины дрогнул. Она определенно была не в порядке.

— Простите меня. Но я не могу не спросить: вы уверены, что готовы расстаться с этими вещами?

Женщина вновь не ответила, только опустила голову. Через какое-то время она подняла на Фиону покрасневшие глаза.

— Я не уверена, — сумела выдавить она. — Это вещи моего покойного дедушки. Он недавно скончался, и я собиралась их отдать. Там нет ничего, что я хотела бы оставить, ничего сентиментального. Но мне все равно кажется, что я предаю его память... — Голос ее становился все тише. У посетительницы вырвался всхлип.

Фиона взяла пару чистых салфеток из коробки у кассы и протянула их женщине, которая промокнула краешки глаз под очками. Фиона ободряюще сжала ее руку, не желая слишком навязываться, но в то же время пытаясь как-то показать свою поддержку. Бедная женщина оказалась в затруднительной ситуации. Отдавать вещи умерших близких всегда тяжело, даже мелочи, которые не нужны. Каждая вещь важна и ценна, потому что хранит в себе частичку ушедшего. Выбросить их слишком рано кажется холодным и бесчувственным поступком. А если цепляться за материальное напоминание, от вещей можно так никогда и не избавиться, растравляя рану.

Фиона не могла решать за других, что делать с вещами в коробке и когда правильнее с ними расстаться. И не могла дать посетительнице никакого совета. Это должно быть ее решение. Однако кое-что Фиона все же сделать могла, чтобы облегчить весь процесс: эту небольшую услугу она время от времени оказывала другим скорбящим посетителям, которые стояли на том же самом месте перед таким же сложным выбором.

— Могу я кое-что предложить? — мягко обратилась к женщине Фиона. — Почему бы вам не оставить коробку за прилавком? Я не буду ее открывать

и напишу записку для других волонтеров, чтобы ее не трогали. Вы сможете вернуться в любое время, когда захотите, но если я не получу от вас сообщение через пару месяцев, то решу, что вещи можно отдать на благотворительность. Как вам?

Лицо женщины слегка прояснилось:

— В самом деле? Вы можете так сделать?

— Конечно. Никаких проблем.

— О господи. Это было бы прекрасным решением. Если вас не затруднит.

— Я буду только рада, — тепло улыбнулась Фиона. — Мы уже так поступали с другими посетителями в вашей ситуации. Это в самом деле помогает. Такой компромисс — и вы всегда сможете вернуться за вещами вашего дедушки.

Женщина чуть не упала от облегчения:

— Мне стало гораздо легче! Спасибо вам, спасибо большое!

— Рада помочь. Позвольте записать ваше имя — достаточно будет имени.

— М-Мэри, — заикаясь, произнесла женщина.

— Отлично. Обязательно прослежу, чтобы никто не трогал ваши вещи.

— Спасибо. — Голос Мэри дрогнул, как будто слезы могли вернуться в любую секунду. Она вышла из магазина, забралась обратно в машину и выехала на дорогу.

Фиона знала, что Мэри не вернется. Они никогда не возвращались. Но возможность приехать в течение следующих двух месяцев даст этой женщине свободу и время, которого ей не хватало, чтобы примириться с решением оставить вещи.

Наблюдая за уезжающей машиной, Фиона медленно опустилась на стул за одним из маленьких столиков, которые они поставили для покупателей

и сотрудников магазина и за которым собирались за кофе.

Давящая печаль вынудила ее сесть. Фиона не знала эту женщину, но что-то в ее боли вызвало в ней *Это*. Так Фиона называла свою депрессию, преследовавшую ее с момента выхода на пенсию. Большую часть времени она с ней справлялась. *«Будь всегда занята: займи мысли и тело чем угодно»*, — повторяла она себе. Вот почему Фиона стала волонтером в благотворительном магазине, и до определенного момента это срабатывало. Однако иногда разъедающее чувство пробивало ее защиту, застигая врасплох, как сейчас.

Фиона смахнула слезу и позвала Саймона Ле Бона, своего лохматого песика. Навострив уши, он выскочил из своей лежанки у прилавка, посмотреть, что за шум. Собаки — чувствительные животные. Вероятно, он ощутил запах исходящей от нее печали.

Инстинктивно пес запрыгнул к хозяйке на колени и прижался к ней своим пушистым теплым тельцем. Хвостатому утешителю удалось пусть и не избавить Фиону от депрессии полностью, но хотя бы снять остроту чувства, предоставив временную передышку от навязчивых мыслей. Когда она работала в бурлящем жизнью лондонском издательстве, ее мозг трудился без остановки, на пределе возможностей, перегруженный и запутавшийся из-за слишком большого количества дел и нехватки времени.

После выхода на пенсию Фиона подумала, что будет рада дать голове отдохнуть. И поначалу так и было: она наслаждалась возможностью ни о чем не думать. Но спустя какое-то время клетки мозга перестали напряженно работать, а особенность депрессии в том, что она любит вакуум. Расцветает в нем.